

Г. В. Ф. Гегель

**Курс эстетики или наука
изящного**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Г27

Г27 **Гегель Г.**
Курс эстетики или наука изящного: Часть 1 / Г. В. Ф. Гегель – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 225 с.

ISBN 978-5-458-42227-7

ISBN 978-5-458-42227-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

подобномъ нашему, въѣтъ изслѣдованія и критики, каждый артистъ, кромѣ техническихъ процессовъ, знаетъ еще, такъ называемую теорію; если захотите испытать силу и глубину такого знанія, достаточно одного вопроса: какимъ образомъ частныя правила связываются съ общими и вытекаютъ изъ нихъ? Заставьте произнести сужденіе о самыхъ началахъ, полюбите поиграть — что составляетъ собственную природу, цѣль, роль искусства, о которомъ идетъ дѣло, его отношеніе къ другимъ искусствамъ, его натуральное и наукообразное мѣсто въ классификаціи, тогда — или объявятъ эти вопросы пустыми и не разрѣшимыми, или просто услышите одни термины и невѣрные опредѣленія, общія мѣста, раздѣленія произвольныя и истертыя; а между тѣмъ — на этой только почвѣ и должна быть поставлена истинная теорія искусства.

Въ Германіи, сими проблеммами занимались первостепенные умы, артисты, поэты и философы. Плодомъ ихъ изысканій и размышленій явились сочиненія, заслуживающія быть извѣстными и во Франціи и переведенными на нашъ языкъ.

Мой выборъ остановился на эстетическихъ лекціяхъ Гегеля. Этотъ курсъ, читанный въ Берлинскомъ Университетѣ въ 1820—21, 1823, 1826, 1828—29 годахъ, и изданный Гого, другомъ и ученикомъ автора, выполнилъ планъ, который мы выше начертали. Курсъ содержитъ 1.) *общую теорію искусства*; 2) *исторію формъ, въ которыя оно облакалось у различныхъ народовъ, отъ ихъ колыбели до позднѣйшихъ временъ*; 3) *классификацію и систему частныхъ искусствъ*. Сочиненіе, представляемое теперь публикѣ, содержитъ первую и вторую части.

Я не буду говорить о достоинствѣ сего сочиненія и важности идей, въ немъ заключающихся. Если бы даже не появились всѣхъ началъ, которыя здѣсь изложены, и тогда недѣзя

не удивляться могуществу ума, который привелъ въ порядокъ и связалъ всѣ части этого обширнаго зданія.

Не опасаясь упрека въ ложномъ энтузіазмѣ, увлекшемъ меня до преувеличенія, скажу: ни одинъ философъ не развивилъ идею искусства такъ глубоко и такъ обширно; ни одинъ не опредѣлялъ и не охарактеризовалъ главныхъ эпохъ его исторіи съ такою точностію; ни одинъ наконецъ, не представлялъ классификаціи и теоріи искусствъ, болѣе удовлетворяющей философскому направленію нашего вѣка.

Впрочемъ, устраняя систему, въ этой книгѣ найдутъ множество оригинальныхъ взглядовъ, новыхъ замѣтокъ, точную оцѣнку, судъ высшаго соображенія.

Наконецъ, такой отзывъ составленъ о человѣкѣ гениі, который основалъ послѣднюю философскую школу въ Германіи, и знаменитое имя котораго во всей Европѣ начинаютъ приноситьряду съ именами: Платона, Аристотеля и Канта. И этого уже довольно, чтобъ сочиненіе представало предъ глаза французской публики.

Изъ многихъ твореній Гегеля ни одно еще не переведено на нашъ языкъ. Темнота формулъ Гегелевой философіи обратилась въ пословицу, даже въ Германіи. Стилъ его, своими совершенствами и своими недостатками, можетъ уничтожить самаго искуснаго и самаго упорнаго переводчика. Полный силы и оригинальности, всегда возвышенный и благородный, этотъ стилъ сжать до отнятія всякой надежды разгадать его, неприступенъ по отвлеченнымъ терминамъ, которые не заимствованы, какъ дѣлалъ Кантъ, болѣею частію въ схоластическомъ словарѣ, но взяты изъ (азбуки) элементовъ и составлены по духу одного только нѣмецкаго языка; съ тѣмъ вмѣстѣ—онъ тяжелъ, запутанъ, обремененъ метафорическими выраженіями, изъ которыхъ многія приближаются къ вульгарному языку и даже иногда тривиальны. Утѣреній, что точный и буквальный переводъ былъ бы варварскимъ,

непонятнымъ, я въ своемъ трудѣ принялъ слѣдующую систему:

Полагаю, достаточенъ будетъ анализъ введенія и первыхъ главъ, содержащихъ самую отвлеченную часть сочиненія.

Въ этомъ анализѣ я старался представить, со всею точностію, всѣ главные идеи въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ изображены у автора. Я рѣшился выпустить неважныя подробности, повторенія, нѣкоторые отступленія, замѣчанія и цитаты не интересныя для читателей Французовъ. Сколько возможно, я употреблялъ подлинныя выраженія автора, или замѣнялъ ихъ терминами, почти равносильными изъ нашего философскаго языка.

Думаю, такое изложеніе, освобожденное отъ всѣхъ постороннихъ матерій, которыя замедляютъ ходъ его, сдѣлавшись легче и чище, будетъ отъ того яснѣе, а слѣдовательно и удобнѣе для понятія идей германскаго философа и уразумѣнія ихъ связи.

Я употребилъ почти тотъ же методъ и въ слѣдующихъ главахъ. Но какъ, по мѣрѣ развитія основнаго начала науки, изысканія дѣлаются менѣе отвлеченными и формулы менѣе сложными, то для меня легче было переводить, и я дѣйствительно болѣе переводилъ. Но если цѣль, избранная мною, давала мнѣ право сокращать и выбирать, не опуская ничего существеннаго, то я отсѣкалъ все, что казалось мнѣ лишнимъ или не столь важнымъ. Далѣе, что касается дикціи и стиля, то, проникнувши мысль автора, я почиталъ возможнымъ употреблять полную свободу, болѣе всего помня правило: сообразоваться съ законами нашего языка. Впрочемъ мнѣ легче извинять эту свободу, когда узнаютъ, что многія сочиненія Гегеля выданы послѣ его смерти, по замѣчаніямъ и неполнымъ манускриптамъ, даже съ помощію редакціи его учениковъ. Судьба курса эстетики была таже самая.

VI

Желалъ бы я, въ началѣ этой книги, помѣстить краткую исторію Эстетпки, и въ особенности разборъ главныхъ сочиненій о философіи искусства, которыми обладаетъ Германія; но принужденный оставить сей трудъ, издамъ его отдѣльно.

Нанси 1-го Юля 1840 года.

К. Бенаръ.

ВВЕДЕНИЕ.

I.

Предметъ Эстетики — обширная область изящнаго; и, говоря языкомъ болѣе приличнымъ этой наукѣ — Эстетика есть философія искусства или изящныхъ искусствъ.

Не произвольно ли это опредѣленіе, когда, ограничиваясь только изящнымъ въ искусствѣ, оно не даетъ мѣста изящному въ природѣ и исключаетъ его изъ науки изящнаго? Оно не будетъ произвольно, если замѣтимъ, что красота — твореніе искусства, выше красоты въ природѣ; потому что рождается отъ духа, который вдвойнѣ отецъ ея. Еще болѣе — когда справедливо, что духъ есть истинное бытіе, обнимающее все въ себѣ самомъ, то должно сказать, и изящное будетъ истинно изящнымъ тогда, когда въ немъ виденъ духъ, когда оно сотворено имъ. Въ этомъ смыслѣ, красота въ природѣ является какъ отблескъ красоты духа, какъ неполная красота, заключающаяся, по своей сущности, въ красотѣ духа. Впрочемъ, никому еще не приходило въ голову развить сторону изящнаго въ предметахъ природы, составить изъ того науку и систематически изложить красоты этого рода. Здѣсь мы чувствуемъ себя на почвѣ слишкомъ шаткой, въ полѣ пространномъ и неопредѣленномъ. При недостаткѣ критеріума, по-

добная классификація была бы для насъ не интересна. Тѣмъ не менѣе, отношеніе изящнаго природы къ изящному въ искусствѣ, составляетъ часть науки и найдеть себѣ въ ней мѣсто.

Едва сдѣланъ первый шагъ — и вотъ новыя затрудненія. Во первыхъ — *стоитъ ли* (würdig) искусство *быть разсматриваемымъ по понятію науки*? Правда, оно украшаетъ наше существованіе, очаровываетъ часы отдохновенія, — но, кажется, чуждо серьезной цѣли жизни. Есть ли оно что нибудь другое, а не одно только успокоеніе *отъ трудовъ*? Сравнивая его съ существенными потребностями нашей природы, не лѣзя ли смотрѣть на него какъ на роскошь, способную только смягчать сердца, постояннымъ уваженіемъ къ красотѣ, и располагать ихъ къ истиннымъ интересамъ дѣйствительной жизни?

Въ этомъ отношеніи, часто вмѣняли себѣ въ обязанность, отстаивать искусство всѣми силами, указывая, что эта роскошь *духа* съ практической и моральной точки зрѣнія, представляла больше выгодъ, нежели несообразностей.

Даже искусству придали серьезную и моральную цѣль. Звѣдали изъ него какого-то посредника между разсудкомъ и чувствительностію, между склонностями и долгомъ, — поставляя назначеніемъ его, примирять элементы, борющіеся въ душѣ.

Но, можно утверждать во первыхъ, что разумъ и долгъ ничего не выиграютъ въ этой попыткѣ на примиреніе; чисто простыя по своей природѣ и не способныя ни къ какому взаимному смѣшенію, они не могутъ подать руку на такое примиреніе, и вездѣ требуютъ такой же чистоты, какую заключаютъ сами въ себѣ.

Во вторыхъ, — искусство не получаетъ отъ того большаго права быть предметомъ науки: потому что, съ

двухъ сторонъ, оно всегда въ подчиненіи; будетъ ли оно пустою забавою, или орудіемъ, направленнымъ къ болѣе благородной цѣли; — тѣмъ не менѣе, оно рабъ. Въмѣсто того, чтобы имѣть цѣль въ самомъ себѣ, оно только средство.

Кромѣ того, рассматривая это средство въ его формѣ, если дадимъ ему и серьезную цѣль, оно явится даже съ невыгодной стороны; — оно дѣйствуетъ обольщеніемъ; въ самомъ дѣлѣ, изящное живетъ только въ чувственной наружности; но цѣль не должна быть достигаема ложью. Средство должно быть достойно цѣли. Не наружность, не обольщеніе, но истина должна проявлять истину.

Итакъ, всѣ эти отношенія заставляютъ полагать, что изящныя искусства не достойны быть предметомъ науки.

Во вторыхъ, можно вообразить, что искусство составляетъ развѣ только матерію философскимъ размышленіямъ, но само, по свой натурѣ, не выдержать строгихъ притязаній науки. Въ самомъ дѣлѣ, оно говоритъ воображенію, чувствительности, но не разуму. Въ искусствѣ нравится намъ ни больше, ни меньше — характеръ свободы, проявляющійся въ его твореніяхъ. Мы любимъ сбрасывать иногда иго законовъ и правилъ, оставлять темное царство отвлеченныхъ идей и переселяться въ страну болѣе свѣтлую, въ которой все свободнѣе и богаче самой природы; оно не только располагаетъ всѣми ея формами, но является неистощимымъ въ произведеніяхъ ему свойственныхъ. Итакъ, наука, напрасно, кажется, будетъ трудиться, если захочетъ разлагать и совокуплять въ своихъ формулахъ это безконечное множество столь разнообразныхъ представленій.

При томъ, необходимая форма науки, — отвлеченіе. Слѣд. если искусство одушевляетъ и животворитъ идеи,

то наука отнимаетъ у нихъ жизнь и погружаетъ ихъ въ мракъ отвлеченностей.

Наконецъ, наука занимается только необходимымъ. А устраняя изящное въ природѣ, она въ то же время отвергаетъ необходимое. Міръ природы есть міръ правильности и необходимости; а міръ духа—и особенно воображенія, напротивъ, есть царство произвола и неправильности. Слѣдов. искусство ускользнетъ отъ науки и ея началъ.

Авторъ, не простираясь далѣе, считаетъ обязанностію отвѣчать на эти возраженія и разсѣять предразсудки, служащіе имъ основаніемъ.

И во первыхъ, стоить ли искусство быть предметомъ науки? Нѣтъ сомнѣнія, если смотрѣть на искусство не больше, какъ на забаву, украшеніе, или простое средство наслажденія — оно не останется независимымъ, свободнымъ; такое искусство — рабъ. Но мы хотимъ изучать искусство, свободное въ своей цѣли и своихъ средствахъ. Пусть употребятъ его на другую цѣль, ему не свойственную, — это у него общее съ наукою; наука также служитъ чужимъ интересамъ; но она самостоятельна только тогда, когда, освободясь отъ всякаго чуждаго вліянія, возвысится къ истинѣ, которая одна составляетъ дѣйствительный предметъ, и одна можетъ вполне удовлетворить ее.

Тоже бываетъ съ искусствомъ; свободное, независимое,—оно въ истинномъ смыслѣ искусство; каковымъ бываетъ, разрѣшая задачу своего высокаго назначенія. Именно, въ произведеніяхъ искусства народы положили сокровенныя свои мысли и богатѣйшія свои созерцанія; даже, часто, изящныя искусства служатъ единственнымъ ключемъ, отверзающимъ секреты ихъ мудрости и тайны ихъ религій.

Упрекъ въ недостойнствѣ, падающій на искусство за то, что оно производитъ эффектъ наружностію и обольщеніемъ, основателенъ, если наружность примемъ чѣмъ-то, чего не должно быть. Но наружность необходима для основанія, которое она проявляетъ и столько же существенна, сколько самое основаніе. Не было бы истины, еслибы она не являлась; или лучше, если бы не видима была самой себѣ, равно какъ и духу вообще. Потому—не на наружность или проявленіе должна падать укоризна, а на образъ представленія, употребляемый искусствомъ. Но если изчислить количество обольстительныхъ наружностей, то оно будетъ равно количеству феноменовъ природы и дѣйствій человѣческой жизни, которыя принимаютъ, однако, представителями истинной дѣйствительности; потому что истинную дѣйствительность, субстанцію и сущность вещей природы и духа, начало проявляющееся во времени и пространствѣ всѣми сими дѣйствительными бытіями, но сохраняющее въ самомъ себѣ отрѣшенное бытіе — надобно искать выше всѣхъ предметовъ, непосредственно постигаемыхъ чувствомъ и сознаніемъ. А дѣйствіе и развитіе этой всеобщей силы и есть точно предметъ представленій искусства. Безъ сомнѣнія, она является также въ міръ дѣйствительномъ, но смѣшенная съ хаосомъ частныхъ интересовъ и преходящихъ обстоятельствъ, смѣшенная съ произволомъ страстей и воли недѣлимыхъ. Искусство спинаетъ съ истины обманчивыя и лживыя формы этого несовершеннаго и грубаго міра и облачаетъ ее въ одежду болѣе возвышенную и болѣе чистую, созданную самимъ духомъ. Следовательно, формы, ни мало не будучи простыми наружностями, чисто обманчивыми, заключаютъ въ себѣ болѣе дѣйствительности и истины, нежели феноменальныя существа дѣйствительнаго міра. Міръ искусства справедливѣе міра природы и исторіи.

Представленія искусства имѣють еще ту выгоду надъ феноменами дѣйствительнаго міра и частными событіями исторіи, что они выразительнѣе, прозрачнѣе. Умъ *труднѣе проглядываетъ сквозь* грубую кору природы и общественной жизни, нежели сквозь произведенія искусства.

Если мы даемъ искусству столь высокую степень, то не забудемъ, что оно, ни по содержанію, ни по формѣ, не есть самое высшее проявленіе, крайнее и отрѣшенное выраженіе, которымъ истина открывается духу. Уже одно то, что искусство обязано облекать свои понятія въ чувственную форму, даетъ знать, что кругъ его ограниченъ, что оно можетъ достигать одного только степени истины. Безъ сомнѣнія, судьба истины — являться подъ ощутимою формою и открывать себя въ образѣ равномъ себѣ: потому она доставляетъ искусству свой чистѣйшій типъ, каково напр. представленіе греческихъ божествъ. Но есть еще болѣе глубокій способъ понимать истину: имянно, когда она не имѣетъ уже связи съ чувственнымъ, и такъ превосходитъ его, что послѣднее не можетъ ни обнять ее, ни выразить. Такъ христіанство понимало истину, и по этому-то новѣйшій духъ возвысился выше той опредѣленной точки, гдѣ искусство ставить свой крайній способъ представлять отрѣшенное. У насъ, мысль преступила за предѣлы изящныхъ искусствъ. Въ нашихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ, мы управляемся отвлеченными началами и всеобщими правилами. Самъ артистъ не можетъ уклониться отъ этого вліянія, управляющаго его вдохновеніями. Онъ не можетъ отвлечь себя отъ міра, въ которомъ живетъ, и создать себѣ пустыню, которая позволяла бы ему воскресить искусство въ первоначальной его наивности.

Въ такихъ обстоятельствахъ, искусство, по своему высокому назначенію, есть что-то прошедшее; оно потеря-